

³² *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 23.

³³ См.: *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 41–42.

³⁴ См.: *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // *Политика.* 1992. № 4. С. 122–134.

³⁵ См.: *Войтенко В.П.* Политическая культура россиян: особенности современной трансформации: (социологический анализ). М., 2004. С. 31–32; Политическая культура: теория и национальные модели / В.С. Ажаева, Е.В. Ананьева, К.С. Гаджиев и др.; Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994. С. 81.

³⁶ *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учеб. пособие / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ФОРМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.В. Степакова
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Регулирование межконфессиональных отношений является одним из важных и актуальных вопросов в современном российском государстве. Повышение уровня религиозности российского населения, а также увеличение зарегистрированных религиозных организаций все более ставят проблему регулирования, а соответственно, и координации межконфессиональных отношений как самими конфессиями, так и государством. Регулирование межконфессиональных отношений – сложная функция управления, так как внутреннее содержание конфессий, существующих в России, зачастую очень различны. Соответственно, принципы взаимодействия с иными конфессиями могут занимать совсем различные позиции: от полной обособленности до единства всех церквей мира. Несмотря на это выделяется принцип межконфессионального взаимодействия, который обязательно должен присутствовать, если мы говорим о регулировании отношений между российскими религиозными организациями – это принцип толерантности. Толерантность, принцип свободы совести входят с систему демократических ценностей современного российского государства. В контексте государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений понятие толерантности приобретает особую важность. Российским законодательством «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 14)¹. В Конституцию РФ введено понятие равенства, говорящее о том, что российские конфессии, находясь на одной ступени общественной иерархии, вынуждены искать возможные варианты конструктивного диалога и сотрудничества между собой. Важно учесть, что на территории России существует около 15–20 религиозных течений², и около 21 тыс. зарегистрированных религиозных организаций³. В таком поликонфессиональном обществе религиозным объединениям для неконфликтного существования необходимо находить общий язык. При конфликтной модели взаимоотношений появляется очень много затрат для каждой участвующей стороны, сотрудничество как раз снижает эти затраты. Таким образом, толерантность является главным принципом, которым должны руководствоваться российские конфессии в любом взаимодействии.

Под толерантностью понимается терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям. Толерантность является одним из основополагающих демократических принципов, который неразрывно связан с концепциями плюрализма, свободы и прав человека. Важно отметить то, что в научной литературе часто синонимом понятия толерантности является термин терпимость. Соглашаясь с мнением П.М. Мчедлова, что терпимость не полностью соответствует понятию толерантности и несколько сужает смысл последнего, я считаю,

что понятия религиозной толерантности и веротерпимости не нужно отождествлять. Терпимость – это своего рода снисхождение к чужому мировоззрению, позициям, обычаям и т.д., даже можно сказать позиция свысока. В свою очередь, толерантность как раз подразумевает под собой не снисходительность, а именно доброжелательность к другому мировоззрению, обычаям и нравам, а главное – готовность к уважительному диалогу и сотрудничеству. Таким образом, **религиозная толерантность** – это взаимная доброжелательность представителей различных конфессий по отношению друг к другу и их готовность к межконфессиональному диалогу и сотрудничеству. Религиозная толерантность возможна: при уважительном отношении конфессий друг к другу, при реализации принципа свободы совести и при обоюдном желании последователей различных религий взаимодействовать. Под **веротерпимостью** понимается «практика допущения существования в государстве, наряду с господствующей, и других религий, количество которых обычно жестко регламентировано. Приверженцы этих религий, как правило, не имеют равных прав с теми, кто исповедует господствующую религию»⁴. Таким образом, можно заключить, что веротерпимость может присутствовать при наличии даже господствующей религии и жесткой регламентации количества религиозных объединений, в свою очередь, толерантность как более широкое понятие больше присутствует в такой модели межконфессиональных отношений, где все конфессии имеют одинаковый статус. М.С. Стецкевич определяет понятие религиозной толерантности так: «(1) терпимые, взаимоуважающие отношения между верующими различных религий, религиозными объединениями, верующими и неверующими, строящиеся на принципе взаимного признания права на существование и деятельность; 2) признание государством права на существование различных религий, наряду с господствующей»⁵ (если она есть). По логике данной статьи (толерантность не равна веротерпимости), первая часть данного определения соответствует понятию религиозной толерантности, а вторая отражает понятие веротерпимости, в котором государство терпимо относится к наличию различных конфессий на своей территории. Определение понятия религиозной толерантности в контексте относительно нестабильной обстановки в обществе влечет за собой определение такого понятия, как интолерантность. «Религиозная интолерантность – резко негативное отношение к верующим иной конфессии, людям иной мировоззренческой ориентации, выражающейся в ущемлении их прав, преследованиях, а иногда отрицании права на существование»⁶.

Игумен Вениамин (Новик) утверждает, что религиозной основой толерантности являются следующие утверждения⁷:

1) равенство всех людей в их достоинстве и свободе как сотворенных по образу и подобию Бога. (Об этом же говорит без упоминания Бога ст. 1 Всеобщей декларации прав человека). Поэтому каждый имеет право на свое мнение. Никто, кроме Бога, не обладает монополией на истину и правом на особую близость к ней. Эта автономия каждого человека обуславливается возможностью его прямого обращения (без посредников) по своему Первообразу-Создателю. Очень важно, что не государство и не общество наделяют человека этими качествами (хотя развиваются они при жизни в обществе), поэтому общество не имеет права их отчуждать;

2) в библейской традиции утверждается, что человек «поврежден» первородным грехом. Совокупности людей, коллективы, правящие структуры, государство также не гарантированы от ошибок. Никто не должен обладать монополией на истину. Память об этом учит человека скромности;

3) существуют общеобязательные нормы поведения, зафиксированные в мировых религиях (не убивай, не воруй, не вреди и др.), нарушение которых не подлежит включению в сферу толерантности. Неслучайно многие заповеди носят отрицательный (запретительный) характер. Нельзя требовать любви, но можно потребовать недопущения практического выражения ненависти.

В межконфессиональных отношениях принцип толерантности мной определяются как норма взаимодействия. «Нормы толерантности, хотя и без упоминания этого слова, зафиксированы во многих конституциях, в том числе российской»⁸. Примером этому может служить статья 19.2 Конституции РФ: «Государство гарантирует

равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, *отношения к религии*, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или *религиозной принадлежности*» [Выделено мной. – И.С.]⁹. Даже при чрезвычайном положении, право на свободу совести и вероисповедания по Конституции РФ (ст. 56) не может быть ограничено государством.

Институт церкви (в широком понимании), являясь неотъемлемой частью гражданского общества, вполне логично порождает определенные нормы, которые регулируют жизнь внутри церкви и вне нее. Интересную классификацию религиозных норм приводит в своей статье М. Варьяс¹⁰:

1) догматические религиозные нормы определяют философскую направленность религии, ее неизменяемые постулаты. Эти нормы в большинстве случаев являются константой, из них исходят все последующие этические нормы в рамках данной религии;

2) канонические религиозные нормы регулируют внутриконфессиональный уклад, богоослужебную и обрядовую деятельность;

3) бытовые религиозные нормы.

Данную классификацию можно дополнить четвертым пунктом, а соответственно, и четвертым видом религиозных норм. Данный вид нормы касается норм взаимодействия любой конфессии с иными религиозными организациями. Таким образом, мы говорим о нормах межконфессионального взаимодействия, которые необходимо выработать каждой существующей конфессии в России. Понятно, что универсальных, стандартных, общих норм межконфессионального взаимодействия по причине разнородности религиозных идеологий, существующих в России, выработать сложно. Но все же основной нормой межконфессиональных отношений должна быть религиозная толерантность.

Когда речь идет о толерантности в области взаимоотношений религиозных организаций, то, скорее всего, речь идет о межконфессиональном диалоге, достижении согласия между конфессиями, взаимном сотрудничестве. М.П. Мчедлов выделяет несколько уровней межконфессионального диалога:

1) между институционализированными вероисповедными сообществами (принадлежащими к разным религиям либо внутри одной религии);

2) между представителями разных вероисповеданий;

3) между культурно-конфессиональными общностями, сложившимися на базе различных религиозных традиций¹¹.

Далее исследователь дает определение межконфессионального диалога в узком и широком смысле. В узком смысле межконфессиональный диалог – это взаимодействие двух религиозных систем на доктринальном уровнях (и иных уровнях¹²), требующее сознательной установки, концептуальной разработки и институционального оформления. В широком смысле межконфессиональным диалогом (точнее, культурно-конфессиональным) можно назвать историю многообразных связей, включающую как периоды острой конфронтации, так и этапы взаимной солидарности между устойчивыми культурно-историческими общностями (локальными цивилизациями), которые существуют в определенных пространственно-временных координатах.

Наличествуют различные виды межконфессионального диалога.

1. Один из них (богословский) является доктринальным и имеет особое значение для институционально оформленных вероисповедных сообществ. П.М. Мчедлов утверждает, что этот диалог становится особенно острым, когда одна из религий, например, объявляет свое вероучение вселенским и абсолютным для всех. Доктринальный диалог является одним из трудных, потому что сближение вероучений, даже близкородственных, как, например, православие и католицизм, является чаще всего безуспешным. Если РКЦ (русская католическая церковь) все же стремится наладить контакт с РПЦ (русской православной церковью), то последняя, в свою очередь, не приветствует это стремление. Как раз здесь возникает вопрос о религиозной толерантности. Именно наличие такой общей для всех религиозной нормы, как толерант-

ность, если и не ведет к диалогу, то хотя бы способствует взаимоуважению и сближению в межконфессиональных отношениях. Здесь необходимо упомянуть об экуменистическом движении. Авторы статей об экуменистическом движении в различных энциклопедиях определяют его как движение христианских церквей за устранение разобщенности между ними и сплочение церковных сил в международном масштабе, то есть выступают за объединение всех христианских конфессий. Данное движение возникло по инициативе протестантских церквей США и Западной Европы в начале XX в. (Всемирная миссионерская конференция в Эдинбурге 1910 г. и др.). Окончательно организационно оформилось на Всемирной ассамблее церквей в Амстердаме (1948 г.), где был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ) – орган, объединяющий и координирующий деятельность участвующих в экуменистическом движении церковных организаций. Формальная цель движения – достижение вероисповедного единства христиан, фактически оно направлено на преодоление глубокого кризиса христианства и укрепление позиций этой религии в современном мире. Они выступают за усиление влияния религии на общество, за сопротивление процессу секуляризации, за выработку общехристианской социальной программы, которая будет приемлема для верующих, живущих в разных странах. Первоначально в это движение входили протестантские религиозные организации, но в 1961–65 гг. во ВСЦ вошли православные и некоторые другие церкви. РПЦ вошла в данное движение в 1961 г. Расширение социального состава и вероисповедной принадлежности участников экуменистического движения способствовало консолидации церковных сил. Вместе с тем оно привело к острым дискуссиям по общественно-политическим и социальным проблемам, а также по проблемам религиозного и организационного характера (отношение к процессу религиозной секуляризации, церковного обновления, религиозной толерантности, степени христианской интеграции в рамках ВСЦ). К началу XXI в. экуменизм стал одной из главных тем во взаимодействии существующих конфессий. Как утверждает М.Ю. Ефлова, экуменизм не теряет своей актуальности, и на смену ему начинает приходиться более современная концепция «Единство в многообразии»; кроме того, современный экуменизм сопоставим с новейшими глобализационными тенденциями. Если в XX в. экуменизм рассматривался как движение только христианских церквей, то сегодня можно уже услышать мнения относительно слияния всех мировых религий в одну большую церковь. С моей точки зрения, привести к единому теологическому знаменателю, например, буддизм, ислам, христианство невозможно, так как слишком велико расхождение в катехизисе и основах вероучения нехристианских конфессий. Возможно только, на мой взгляд, межконфессиональная взаимопомощь и сотрудничество без доктринального сближения. Вариантом такого сотрудничества может быть заключение межконфессиональных соглашений. В дополнение важно упомянуть, что некоторые ученые, вопреки всеобщему мнению, уже говорят о кризисе экуменистического движения. Так как многие попытки «по достижению христианского единства в рамках международных межцерковных организаций посредством признания несуществующих догматических и канонических различий в конечном счете завершаются неудачей»¹³. Доктринальный диалог все же чаще носит конфронтационный характер, а не характер конструктивного сотрудничества, так как конфессии друг друга воспринимают как миссионерский объект.

2. Межконфессиональная взаимопомощь и сотрудничество без доктринального сближения является иным видом межконфессионального диалога, который называется институциональным. Именно здесь целесообразно говорить о возможности заключения межконфессиональных соглашений, практики, подписания которых на территории РФ практически не существует. «Известны факты заключения межконфессиональных соглашений, в которых одной стороной выступают представители нескольких самых многочисленных конфессий региона, а с другой – исполнительная региональная власть. Например, "Соглашение между администрацией Пермской области и Межконфессиональным консультативным комитетом Пермской области о взаимодействии и заботе о физическом и духовном здоровье населения Прикамья от 23 июня 2000 г."»¹⁴. С моей точки зрения, данные соглашения не являются межконфессио-

нальными соглашениями в чистом виде, так как одной из сторон при их заключении является институт государства. Межконфессиональные соглашения – это соглашения между двумя или более конфессиями без участия государства. Практика же государственно-конфессиональных соглашений уже существует на территории РФ. Для примера можно привести соглашения между исполнительными органами власти и РПЦ, которые уже действуют на территории России: с Министерством культуры, с Министерством обороны, с Министерством юстиции и т.д. При исследовании опыта государственно-конфессиональных соглашений возникает вопрос: почему конфессиям не заключить соглашения по определенным вопросам деятельности между собой, где основным критерием взаимодействия будет принцип толерантности. Именно соглашения будут говорить об углублении в российской действительности этого принципа. Например, если взять отношения мусульманства и православия, то и те, и другие делают заявления о своих симпатиях друг к другу (хотя параллельно, высказывают и негативное отношение по определенным вопросам). М.С. Стецкевич выделяет такие точки соприкосновения между этими конфессиями¹⁵: значимость идеи социальной справедливости, приоритет коллективного начала над индивидуальным, особые, отличные от западных представления о народовласти.

3. Третий вид межконфессионального диалога называется «молекулярный экуменизм»: «человек, искренне приверженный собственной религиозной традиции, ценит и уважает "подобную крепость в вере" у иноверца»¹⁶. По мнению некоторых исследователей, именно на таком пути возможно духовное единение между приверженцами различных религий, учитывая то, что доктринальные различия при этом не снимаются. Но уважение к иноверцу за приверженность к своей вере может открыть путь к созидательному диалогу и укрепить в своей собственной вере. Это подход позволяет налаживать межконфессиональные отношения уже на личностном уровне. Таким образом, элементом религиозной толерантности может быть и личная толерантность, которая уже на уровне сознания будет укоренять принцип толерантности.

4. Учитывая тенденции глобализации, актуальным становится цивилизационный диалог, «на данном уровне доктринальное противостояние религий и межличностные отношения их приверженцев находят свое специфическое проявление, накладывая отпечаток на характер бинарной оппозиции «мы – они», складывающейся в процессе формирования цивилизационной идентичности»¹⁷.

Помимо различных видов диалога между конфессиями, принцип толерантности в регулировании межконфессиональных отношений может найти свое подтверждение в создании межрелигиозных организаций. Тем самым принцип толерантности закрепляется уже на институциональном уровне. Такое институциональное образование уже существует в России. 23 декабря 1998 г. по инициативе председателя ОВЦС МП митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла состоялась встреча глав и представителей традиционных конфессий России: РПЦ, общин последователей ислама, иудаизма и буддизма. Главный вопрос, который обсуждался на вышеупомянутой встрече, – усиление и укрепление межконфессионального диалога во всех его вариантах, возможности сотрудничества, которые направлены на координацию усилий традиционных религий по духовному и нравственному возрождению общества. Соответственно, основным итогом встречи стало создание Межрелигиозного совета России. Учредителями Совета стали: РПЦ, Совет муфтиев России и Центральное духовное управление мусульман России, буддистская традиционная Сангха России, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России. Организация является общественной и не имеет статуса юридического лица. Целью МРС является «координация совместной деятельности традиционных религиозных организаций в деле укрепления и развития их диалога, обеспечения и поддержания межрелигиозного и межнационального мира, достижения согласия и стабильности в обществе, предотвращения возможных конфликтов на этноконфессиональной почве и уврачевания уже существующих, утверждение в обществе традиционных духовных ценностей, диалога с государственной властью России и других стран, международными межправительственными и межрелигиозными организациями»¹⁸. МРС не ставит своей целью сближение вероучений и доктрин, также абсолютно не имеет богослужебных

форм деятельности и собственных теологических позиций. Важно, что при конституционном принципе отделения церкви от государства МРС не ассоциирует себя с государством или с какой-либо политической силой. Организационная структура МРС: Президиум (формируемый учредителями из числа своих официальных представителей), исполнительный орган – Секретариат (его возглавляет исполнительный секретарь), Экспертная группа и Попечительский совет. Со дня образования на заседаниях МРС России обсуждались актуальные вопросы межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений¹⁹: о проведении I и II межрелигиозных миротворческих форумов, об участии МРС в Европейской ассамблее православия, о перспективах преподавания предмета «теология» в ВУЗах России, о принятии в состав совета Координационного центра мусульман Северного Кавказа и Федерации еврейских общин России, об учреждении МРС стран СНГ, о возможной поддержке МРС съемок второй части телевизионного сериала «тайный знак», посвященного разрушающему воздействию тоталитарных сект и др.

МРС России уже выступал с заявлениями²⁰: относительно террористических актов в Беслане, Москве, США; о прекращении бомбардировок Югославии; об обеспокоенности непрекращающимися конфликтами на Святой Земле (Ближний Восток); о выражении крайней обеспокоенности в связи с военными действиями в Ираке и др.

Межконфессиональное российское сотрудничество в 2004 г. сделало еще один шаг в укреплении принципа толерантности. Достигнув определенного уровня сотрудничества между традиционными конфессиями внутри страны, духовными лидерами был образован МРС СНГ. Целями его деятельности являются: «координация совместной деятельности традиционных религиозных организаций стран СНГ в деле укрепления межнационального и межрелигиозного мира, достижения согласия и стабильности в обществе, развития диалога между духовными лидерами, объединения усилий в борьбе с общими вызовами, утверждения в обществе традиционных духовных ценностей; содействие сотрудничеству стран-членов Содружества путем упрочнения связей между их духовными лидерами, религиозными общинами; всесторонний и систематический обмен опытом в сфере государственно-религиозных отношений, миротворчества, социального служения и иных насущных вопросов»²¹.

По мнению Ю.П. Зуева, «именно РПЦ в настоящее время определяет характер, диапазон, и интенсивность этих (межконфессиональных) отношений»²². Это обусловлено массовостью, большим количеством приверженцев данной религиозной организации во всех регионах России, ментальным восприятием РПЦ гражданами России как наиболее доверительного общественного института. Но именно представители данного института говорят о борьбе с иностранными миссионерами, что, в свою очередь, протестантами, например, оценивается как интолерантность и нарушение принципа свободы совести. По этой и по ряду других причин в последнее время ощущается некоторая утрата РПЦ своей ведущей роли в межконфессиональных отношениях, что не может не сказаться на обострении межконфессионального взаимодействия. Исследуя фактический материал, можно сделать вывод, что в РФ межконфессиональные отношения при многих положительных моментах все же носят сложный, а порой конфликтный характер, поэтому утверждение принципа толерантности остро необходимо. Например, заявления представителей православной религии о том, что «террористические акты, которые происходят по всей стране, как раз идеологически базируются на положениях Корана и Сунны о джихаде и борьбе с неверными»²³ только затрудняют межконфессиональный диалог. Получается, что представители РПЦ усугубляют процессы исламофобии и кавказофобии в России. Помимо толерантного отношения между традиционными конфессиями, необходимо обратить внимание на отношения между традиционными и нетрадиционными конфессиями, так как при столкновении традиционных и новых религиозных идеологий особо важно соблюдать уважение к мировоззренческой позиции иноверцев. Хотя все же необходимо упомянуть, что, несмотря на неоднозначность межконфессиональных отношений, есть взаимные попытки наладить их. Мы уже говорили о МРС, помимо него в некоторых регионах России действуют межконфессиональные форумы и круглые столы. Основной их задачей являются координация и усиление религиозных

организаций по вопросам благотворительности, укрепления духовно-нравственного здоровья и патриотического воспитания. Консолидацию христианских конфессий мы также можем наблюдать на российском религиозном поле. Так, для координации деятельности христианских организаций был создан Комитет продолжения работ (КоПР), который преобразовался в Христианский межконфессиональный координационный комитет (ХМКК), но работа его не очень активна. Есть и другие примеры межхристианских объединений, а также есть тенденция к образованию региональных межрелигиозных советов.

Таким образом, принцип толерантности в регулировании межконфессиональных отношений, в первую очередь, должен находить свое подтверждение в межконфессиональном диалоге, межконфессиональных соглашениях и образовании межрелигиозных организаций.

¹ Конституция РФ. СПб., 2001

² *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания* / Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. Т. I–IV. М., 2003.

³ *Здоровец Я.И.*, Мухин А.А. Конфессии и секты в России. Религиозная, политическая и экономическая деятельность. М., 2005. С. 10.

⁴ *Стецкевич М.С.* Свобода совести: Учеб. пособие. СПб., 2006. С. 9.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ *Игумен Вениамин* (Новик). Духовный смысл толерантности // <http://www.tolerance.ru>

⁸ Там же.

⁹ Конституция РФ. СПб., 2001

¹⁰ *Варьяс М.* Религиозная мораль и политико-правовая действительность: теологический аспект // <http://ecsocman.edu.ru>

¹¹ *Толерантность* / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004. С. 176.

¹² *Дополнение* автора статьи.

¹³ *Толерантность* / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004. С. 178.

¹⁴ *Соглашения* о сотрудничестве между религиозными объединениями и исполнительными органами государственной власти России // <http://www.pravoslavie.ru>

¹⁵ *Стецкевич М.С.* Представления о «чужих» в современных российских конфессиях (православие и ислам) // *Компаративистика—II: альманах сравнительных социогуманитарных исследований*. СПб, 2002. С. 105–118.

¹⁶ *Толерантность* / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004. С. 179.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Межрелигиозный совет России* // <http://www.m-s-r.ru/>

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *Межрелигиозный совет России* // <http://www.m-s-r.ru/>

²² *Зуев Ю.П.* Проблемы конфессионального диалога в современной России // <http://www.rlinfo.ru>

²³ *Толерантность* / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М., 2004. С. 198.